

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

ГОГОЛЬ

без глянца

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 82-94
ББК 83.3(2)6
Г58

Составление и вступительная статья
Павла Фокина

Г58 **Гоголь** без глянца / [сост. и вступ. ст. П. Фокина]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2025. — 430 с., ил. — (Серия «Без глянца»).

«Гоголь без глянца» — документальная мозаика, составленная из фрагментов воспоминаний современников писателя, а также материалов, собранных его первыми биографами, высказываний и писем самого Гоголя. Разнообразные свидетельства освещают ключевые аспекты жизни и творчества писателя: его остроумие, непростой характер, духовные поиски и оригинальные взгляды на жизнь и литературу. Книга предлагает уникальную возможность увидеть великого классика сквозь призму живых впечатлений, часто лишенных официального лоска, узнать его личность во всей ее многогранности и противоречивости.

УДК 82-94
ББК 83.3(2)6

ISBN 978-5-517-12158-5

© Фокин П. Е., составление, вступительная
статья, 2025
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2025

*Памяти
Георгия Михайловича
Фридендера*

Ревизор мертвых душ

Гоголь — пример великого человека. Выложите вы его из русской действительности, жизни, духовного развития: право, потерять всю Белоруссию не страшнее станет.

В. В. Розанов

Его называли «великим» через день после похорон.

Он ушел, не дожив месяца до сорока трех лет. В возрасте расцвета, по античным меркам — «акме». Угас стремительно и неожиданно для всех, предав огню весь свой архив и многолетний труд по созданию второго тома «Мертвых душ». Словно захлопнул дверь за собой.

Василий Боткин в день трагического известия, 21 февраля 1852 года, сообщая в письме Тургеневу подробности, заключает свой отчет словами: «Как бы там ни было, но смерть эта поражает своим необыкновенным характером. Во всем этом есть какая-то сила, сила индивидуальности, перед которой почти-тельно отступаешь».

История Гоголя удивительна. Беспрецедентна для России. Гоголь — самое обласканное дитя русского общества. Ни одного писателя более так не баловали: систематически и в течение всей его жизни. Ни одного так единодушно не обожали. «Его повсюду читали точно запоем, — вспоминал В. В. Стасов. — Необыкновенность содержания, типов, небывалый, неслыханный по естественности язык, отроду еще

не известный никому юмор — все это действовало просто опьяняющим образом».

Белинский сделал Гоголя знаменем нового литературного направления. «Вы у нас теперь *один*, — со свойственным ему максимализмом писал критик 20 апреля 1840 года, — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связаны с вашей судьбою: не будь вас — и прощай для меня настоящее и будущее в художественной жизни моего отечества». В своем восхищении Белинский не был одинок. Начались разговоры о «гоголевском периоде» в русской литературе.

Установился своеобразный культ Гоголя. Достоевский рассказывал, как молодые люди собирались на вечеринку и вдруг кто-нибудь предлагал: «А не почтить ли нам „Мертвые души“, открывали том и не могли оторваться до утра». Гоголевские словечки вошли в повсеместный оборот. «Даже любимые гоголевские восклицания: „чорт возьми“, „к чорту“, „чорт вас знает“, и множество других вдруг сделались в таком ходу, в каком никогда до тех пор не бывали» (В. В. Стасов). Юношество стриглось «под Гоголя» и обряжалось в любимые им жилетки. Посмотрите на портрет Некрасова 1840-х годов — вылитый Гоголь!

И не только молодежь — во все времена публика восторженная и неумная! — «старики» тоже были очарованы новым талантом. Пушкин, уже автор «Евгения Онегина» и семьянин, забегает к нему в гости по-простому, без предварительных уведомлений. Жуковский, учитель Пушкина и наставник цесаревича, постоянно хлопочет о Гоголе перед государем, добивается для него денег и привилегий. Старик Аксаков усердно лоббирует гоголевские интересы в Москве. В Петербурге — верный друг и покровитель, профессор русской словесности, а с 1840-го — ректор Петербургского университета П. А. Плетнев.

Магия неопровержимого обаяния таилась в личности Гоголя. Перед нею все отступало. Тургенев вспоминал о первой встрече с создателем «Мертвых душ»: «Я скоро почувствовал, что между мирозерцанием Гоголя и моим лежала целая бездна. Не одно и то же мы ненавидели, не одно любили; но в ту минуту — в моих глазах все это не имело важности. Великий поэт, великий художник был передо мною, и я глядел на него, слушал его с благоговением, даже когда не соглашался с ним».

Перед Пушкиным при его жизни так не преклонялись, как перед Гоголем. Его любили самозабвенно. Обхаживали, пеклись о его делах и нуждах, потакали капризам, прощали порой обидные выходки и нелепости. А странного в поведении Гоголя было много — его причуды вошли в анекдот. Мог в гостях, чуть ли не в присутствии дам, завалиться на диван и заснуть. Мог спрятаться от давнего знакомого в соседнюю комнату, когда тот приезжал с визитом. Зачем-то почти два месяца посылал матери письма как бы из-за границы, хотя уже давно был в Москве. Иногда мог приврать, да так неловко, что всем было очевидно: все сказанное — выдумка. Вообще, был человеком настроения. О ком другом в сходной ситуации попросту сказали бы, что он невежа, Гоголю же все сходило с рук. «Мы не можем судить Гоголя по себе, — оправдывал своего любимца Аксаков, — даже не можем понимать его впечатлений, потому что, вероятно, весь организм его устроен как-нибудь иначе». Друзья конфузились, смущались, недоумевали — и продолжали благоговеть, любить, потакать. Разве что пылинки с него не сдували...

В России своего дома у Гоголя не было: он неделями, иногда месяцами жил у своих знакомых, пользовался их кровом, заботами, столом. «За содержание свое и житье не плачу никому, — прямодушно признавался Гоголь в 1849 году в письме графине А. М. Виель-

горской. — Живу сегодня у одного, завтра у другого. Приеду к вам тоже и проживу у вас, не заплатя вам за это ни копейки». В голову никому не приходило брать с Гоголя деньги за проживание!

Друзья неизменно, по первой же просьбе ссуживали его любыми суммами, порой выкраивая последние средства из собственного бюджета или занимая у третьих лиц. О долгах не напоминали: со своими кредиторами (даже язык не поворачивается назвать так Жуковского, Плетнева, Аксакова, Погодина, Шевырева) Гоголь расплачивался годами. Да что друзья, каждый встречный готов был услужить! Примеров — сотни.

Сам государь Николай Павлович, грозный и строгий, «Палкин», не смог устоять перед талантом Гоголя: утвердил к постановке «Ревизора», присутствовал на премьере и от души смеялся; позже дал добро печатать «Мертвые души», застрявшие было в цензуре; назначил пособие (говоря современным языком, выделил грант на продолжение работы над вторым томом), повелел выдать такой заграничный паспорт, какого в природе никогда не существовало.

О душе Гоголя молились оптинские старцы. Митрополит Московский Филарет проявлял деятельное внимание к его судьбе.

Гоголь, если взглянуть на все эти совокупные усилия современников сегодняшними глазами, видится как уникальный в истории государства Российского *национальный проект* в области литературы. Слову Гоголя поверили безоговорочно. Он стал *мечтой России о пророке в своем Отечестве*. Художник А. А. Иванов даже поместил фигуру писателя на своей картине «Явление Христа народу», в непосредственной близости к Спасителю.

Окончательно Россия утвердилась в своих чаяниях после выхода в свет первого тома «Мертвых душ». «Удивительная книга, горький упрек современной